

DOI 10.37882/2223–2974.2021.09.17

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ЗАВЕЩАНИЯ И НАСЛЕДСТВЕННОГО ДОГОВОРА В РОССИЙСКОМ НАСЛЕДСТВЕННОМ ПРАВЕ

ON THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN A WILL AND AN INHERITANCE CONTRACT IN RUSSIAN INHERITANCE LAW

**O. Ryabova
N. Kuznetsova**

Summary. The purpose of this article is to consider and analyze the legal essence of the inheritance contract in the context of the correlation of the norms governing the possibility of simultaneously concluding an inheritance contract and making a will that contradict each other. The authors point out that there are no limits and prohibitions in the legislation regarding these actions of the testator. The main idea of the authors is that the Russian model of the inheritance contract is, in fact, a kind of will, which oppresses the legal essence of the inheritance contract. This, in turn, creates a lot of problems, since there is no correlation between a will and an inheritance contract in Russian law. The presence of such a gap in the legislation represents the occurrence of conflicts in law enforcement. As one of the possible solutions to this problem, the authors propose to proceed from the differentiation of the will and the inheritance contract, as well as a serious legislative addition to the norms on the inheritance contract. The authors also point to the fact that the current norms concerning this legislative aspect can form a variety of judicial practice, which will entail even greater unpopularity of this institution of inheritance law.

Keywords: inheritance, will, inheritance contract, rights and obligations of participants in civil turnover.

Рябова Ольга Алексеевна

Преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский
юридический институт ФСИН России»
frau.lelya2012@yandex.ru

Кузнецова Наталья Владимировна

Старший преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский
юридический институт ФСИН России»
kuznezova-1963@mail.ru

Аннотация. Целью настоящей статьи являются рассмотрение и анализ правовой сущности наследственного договора в контексте соотношения норм, регулирующих возможность одновременного заключения наследственного договора и составления завещания, противоречащих друг другу. Авторы указывают на отсутствие пределов и запретов в законодательстве в отношении указанных действий наследодателя. Основная мысль авторов сводится к тому, что российская модель наследственного договора представляет собой, по сути, разновидность завещания, что угнетает правовую сущность наследственного договора. Это, в свою очередь, создает массу проблем, так как в российском праве отсутствует соотношение завещания и наследственного договора. Наличие такого пробела в законодательстве представляет собой возникновение коллизий в правоприменении. В качестве одного из возможных вариантов решения обозначенной проблемы авторы предлагают исходить из разграничения завещания и наследственного договора, а также серьезного законодательного дополнения норм о наследственном договоре. Также авторы указывают на тот факт, что действующие нормы, касающиеся указанного законодательного аспекта, могут сформировать разнообразную судебную практику, что повлечет за собой еще большую непопулярность данного института наследственного права.

Ключевые слова: наследование, завещание, наследственный договор, права и обязанности участников гражданского оборота.

В 2019 году гражданское законодательство России пополнилось новым институтом. Наследственный договор, наряду с наследованием по закону и по завещанию, стал одним из способов наследования имущества.

Наследственный договор представляет собой договор, определяющий круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя по указанному договору. [1]

Однако правовая сущность наследственного договора отличается от иных способов перехода прав на имущество умершего. Если наследование по закону представляет собой переход права на имущество умер-

шего в соответствии с нормами гражданского законодательства без указания на конкретного наследника, наследование по завещанию — односторонняя сделка, при которой наследодатель указывает, кому из наследников он оставляет после своей смерти имущество, то наследственный договор представляет собой соглашение между наследодателем и наследником (выгодоприобретателем) о том, на каких условиях имущество наследодателя перейдет к наследнику.

Исходя из сущностной характеристики наследственного договора, мы можем в полной мере применять к нему общие положения о договорах, которые предлагает нам законодательство России, с теми лишь ограничениями, которые указаны в нормах, регули-

рующих непосредственно данный вид договора. При этом необходимо отметить, что законодательство, регулирующее данный наследственный институт крайне скудное. Гражданский кодекс РФ содержит всего лишь несколько статей, которые призваны регулировать переход прав на имущество умершего лица посредством наследственного договора. Информация, содержащаяся в указанных нормах, носит характер поверхностный и вызывает большое количество вопросов у правоприменителей.

Включая в Гражданский кодекс норму о наследственном договоре, предполагалось, что данный наследственный институт должен занять свое место в наследственном праве наравне с завещанием и наследованием по закону. Однако, следует констатировать, что по прошествии трех лет с момента своего появления в правовом поле РФ, наследственный договор не приобрел популярности. Хотя по сути своей это очень удобный правовой инструмент передачи имущества, как для наследника, являющегося выгодоприобретателем, так и для наследодателя в той части договора, которая касается выполнения его условий при жизни последнего.

Непроработанность законодательной новеллы о наследственном договоре не дает возможности стать популярным данному институту у участников гражданского оборота.

Полагаем, что модель наследственного договора должна быть серьезным образом усовершенствована.

В частности, законодательные нормы, регулирующие наследственный договор и завещание, не содержат взаимосоотносительных указаний.

Исходя из смысла норм главы 62 ГК РФ, наследодатель имеет возможность по действующему законодательству в отношении одного и того же имущества, которое находится у него в собственности (и (или) будет находиться на момент смерти) составить и наследственный договор и завещание, а в качестве наследников указать разных лиц.

Закон не определяет ограничений для наследодателя в части составления завещания или заключения наследственного договора в отношении одного и того же имущества, но с участием разных наследников, а также не содержит нормы, указывающей, какой наследственный институт будет иметь доминирующее значение в случае, если наследодатель одновременно воспользовался имеющимся у него правом составить завещание и подписал наследственный договор, противоречащие друг другу.

Данный законодательный пробел может нарушить права выгодоприобретателя в наследственном договоре или права наследников, указанных в завещании.

Если обратиться к правовым последствиям, связанным с составлением завещания, то лица, указанные в завещании и не имеющие установленных законом ограничений, имеют полное право заявить свои права на указанное наследодателем имущество. При этом закон не содержит указания на то, что существуют иные правовые институты, которые могут иметь преимущество над личным завещанием. Предполагается, что последняя воля наследодателя, выраженная в завещании, является единственно законной. В данном случае не имеет смысла говорить о тех правовых ограничениях, которые содержатся в законе и позволяют отменить или оспорить завещание, так как они имеют иную правовую природу и не связаны с иным способом наследования имущества.

В свою очередь, законодательная оговорка имеет место только в отношении супружеского совместного завещания и наследственного договора. Так, в том случае, если наследственный договор будет заключен после составления супругами совместного завещания, то такое завещание будет признано ничтожным. [1] Применять имеющиеся нормы в отношении личных завещаний не представляется возможным. При этом необходимо заметить, что нормы ст. 1140.1 ГК РФ указывают лишь на то, что наследственный договор отменяет совместное завещание супругов, составленное до заключения наследственного договора. Если же совместное завещание будет составлено после заключения такого договора, возникает трудность при определении законного наследника в случае, когда речь идет об одном и том же имуществе, но разных лицах, указанных в качестве наследников. Аналогичным образом складывается ситуация с завещаниями супругов, которые были ими составлены вне рамок совместного завещания, и содержат волю, которая противоречит наследственному договору.

Таким образом, мы имеем два наследственных института, которые по своей юридической силе являются абсолютно равнозначными и не имеют какого-либо преимущества друг над другом. Следовательно, наследодатель имеет возможность составить завещание и заключить наследственный договор в отношении одного и того же имущества, указав в них разных лиц в качестве наследников. И, если в случае завещания наследники абсолютно ничем не рискуют и закон дает возможность им даже отказаться от завещанного, то в случае с наследственным договором наследники (выгодоприобретатели) обязаны в соответствии с таким договором выполнить определенные условия,

зачастую связанные с определенными расходами, необходимыми для выполнения условий договора и их риски очевидны. При этом закон не ограничивает стороны такого договора в пределах оговариваемых условий, а обеспечивающих выгодоприобретателей гарантий, закон не содержит.

Очевидно, что указанные нами пробелы в законодательстве самым серьезным образом сказываются на репутации и доступности наследственного договора среди участников гражданского оборота. Наследодатель обладает полной свободой в распоряжении своим имуществом, однако, когда речь идет о наследственном договоре, необходимо помнить, что кроме наследодателя существует другая сторона, права которой могут быть нарушены в рассматриваемых нами отношениях.

Необходимо четкое законодательное регулирование соотношения наследственного договора и завещания.

Полагаем, что в первую очередь необходимо четко разграничить завещание и наследственный договор, так как в настоящее время конструкция модели наследственного договора похожа на разновидность завещания с определенными особенностями. Даже положения о наследственном договоре включены законодателем в главу ГК РФ, которая регулирует положения о завещании, а некоторые нормы прямо указывают на то, что в правоприменительной практике в отношении наследственного договора в определенных случаях необходимо руководствоваться нормами о завещании. Считаю такую законодательную конструкцию наследственного договора и его положение в наследственном праве России неприемлемой. Наследственный договор должен выступать как самостоятельный наследственный институт во всех отношениях.

Позиция российского законодателя о свободе завещания не должна быть нарушена, но в то же время, коль скоро наследственный договор стал частью российского наследственного права, нельзя не применять к указанному правовому институту нормы договорного и обязательственного права. Необходимо четко ограничить одностороннюю сделку в виде завещания от наследственного договора и зафиксировать это в виде законодательных норм, отраженных в отдельной главе ГК РФ. Это даст возможность участникам гражданского оборота иметь четкое понимание того, что представляет собой договор, по которому наследодатель определяет имущество, которое отойдет после его смерти выгодоприобретателю (наследнику) и на каких условиях. При этом необходимо законодательно установить ограничения для наследодателя, которые дадут возможность наследникам приобрести определенные гарантии. Такие изменения необходимы как раз для

того, чтобы участники гражданского оборота понимали разницу между завещанием и наследственным договором. Приоритет обязательственных прав наследодателя и наследника станут гарантией в наследственном договоре и сгладят риски сторон. А свобода завещания в данном случае не будет нарушена. Законный выбор между завещанием и наследственным договором, как способом распоряжения имуществом на случай смерти, станет лишь вопросом выбора наследодателя. А законодательные ограничения относительно соотносимости завещания и наследственного договора должны восприниматься не как ограничение прав наследодателя в распоряжении имуществом на случай смерти — ограничение свободы завещания, а как гарантия соблюдения прав и обязанностей сторон наследственного договора.

Безусловно, правовая культура, которая будет способствовать реализации данного правила, придет не сразу, но осмысленные и понятные правовые нормы станут основой для грамотного правоприменения. Например, немецкая модель наследственного договора исходит из недействительности прежних и последующих завещаний, которые противоречат наследственному договору [3], что кажется нам весьма разумным и не ущемляющим свободу завещания, так как речь идет об имуществе, которое является предметом договора и участвует, как минимум, в двусторонних обязательствах, а следовательно не может рассматриваться наследодателем как предмет завещания, где наследниками выступают иные лица, нежели в наследственном договоре. При этом, если наследодатель решил сменить наследника на то имущество, которое указано в наследственном договоре, он может воспользоваться своим правом и в одностороннем порядке расторгнуть наследственный договор, возместить другой стороне договора понесенные в связи с исполнением условий договора убытки, если таковые имели место, и только после этого составить завещание. Полагаем, что именно в таком соотношении необходимо рассматривать завещание и наследственный договор. А тот факт, что по российскому законодательству, нельзя ограничить наследодателя в волеизъявлении по поводу распоряжения своим имуществом после его смерти, но при достижении соглашения между наследодателем и наследниками и последние не получают никаких гарантий и законодательной защиты, ведет к тому, что будет складываться практика порочащая договорную природу соглашения о наследовании. [3]

Оставлять же разрешение правовых ситуаций, которые возникают, когда наследодатель злоупотребил правом и составил завещание и наследственный договор в отношении одного и того же имущества, но указав при этом разных наследников, на усмотрение

ние судов, считаем нецелесообразным. В силу того, что рассматриваемый нами вопрос законом не регулируется, а, следовательно, судьям придется фактически изобретать обоснование решений из имеющегося законодательства, назвать это правосудным разрешением вопроса не представляется возможным, а складывающаяся разнообразная судебная практика не будет способствовать установлению истины.

Таким образом, можно констатировать, что российская модель наследственного договора далека от со-

вершенства. Велика вероятность, что при продолжающемся игнорировании законодателями изложенной проблематики приведет к тому, что наследственный договор не будет востребован в России. Однако, серьезное законодательное дополнение, грамотный и аналитический подход к коррекции конструкции наследственного договора, может вдохнуть жизнь в данный наследственный институт. Создание дополнительных гарантий, выделение наследственного договора среди иных форм наследования, даст возможность применять его в полной мере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации, ч. 3 // *Собрание законодательства Российской Федерации* от 26 ноября 2001 г. N49 ст. 4552
2. Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации». // *Собрание законодательства Российской Федерации* от 23 июля 2018 г. N30 ст. 4552
3. Лоренц Д.В. Наследственный договор: подход континентального права // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2020. № 2. С. 105–129.
4. Петров Е.Ю., Ренц И.Г. Развитие российского наследственного права // *Закон*. 2017. № 6. С. 44–50.
5. Матвеева И.В., *Наследственный договор: зарубежный опыт и перспективы появления в гражданском праве Российской Федерации* // *Российская юстиция*, 2015, № 1

© Рябова Ольга Алексеевна (frau.lelya2012@yandex.ru), Кузнецова Наталья Владимировна (kuznezova-1963@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Владимирский юридический институт ФСИН России